

Фантастические твари и где они обитают

В стихах Валерия Шубинского тревожное ночное пространство оборачивается фантазмагорией, населённой химерами, и становится обиталищем человекотритона, ящерольва, двуногого и двуголового карпа. Читая давшее название книге стихотворение «Тёмная ночь» (отсылающее к известной военной песне), мы узнаём в этом тёмном пространстве шушарскую «степь» — совхозные поля, где стоят заводы и бродят волколаки:

*подо льдом оплывающая голова
человекотритона или ящерольва
и на жабрах двуногого карпа
Посейдона секретная карта
<...>*

*в заводских кызылкумах в шушарской степи
ты не спи моя радость ты и спи и не спи
волколаки пойдут мы увидим*

Тьма у Шубинского вообще такая — не простая и чёрная, а богатая, буйная, кишашая образами и метафорами, животными и чудовищами. В ней возвращается история и воскресают мифы. Даже ад и смерть являют себя через некую избыточность, цветущую сложность, барочность. Мрачноватый колорит в сочетании со своеобразным, зачастую едва уловимым юмором, строгая отточенная форма, исторические и мифологические подтексты, метафоричность — это признаки очень «петербургского» стиля.

И действительно, Валерий Шубинский как поэт укоренён в ленинградской неподцензурной поэзии. В 1980-е годы

он входил в ассоциацию современного искусства «Камера хранения», а затем, уже с 2002 по 2015 годы, был одним из кураторов сайта «Новая камера хранения». Товарищем Валерия по всем этим проектам был недавно ушедший от нас Олег Юрьев, один из крупнейших современных поэтов. Другая важнейшая в творческом плане дружба Валерия — несравненная Елена Шварц. Мне кажется, что в начале XXI века проект «Новая камера хранения» представлял собой один из наиболее ярких и самобытных полюсов современной поэзии, ориентированной на традицию модернизма и наследующей ленинградской неофициальной культуре, и даже формировал неочевидный, но узнаваемый её канон.

Валерий Шубинский — поэт, ярко и по-своему развивающий эту линию современной поэзии. Линию, идущую от Золотого века через Тютчева и Фета к культуре первого русского модерна, практически исчезнувшей в 1930-е годы и вновь начавшей проявляться с конца 1950-х годов.

Шубинский служит поэзии не только своими стихами, но и своей умной и глубокой критикой, за которую он получил Премию Андрея Белого, и прозой о поэтах (книги о Николае Гумилёве, Данииле Хармсе, Владиславе Ходасевиче), и организацией литературных клубов («Утконос» и «Локус»), и тем спецкурсом по современной поэзии, который он вёл совместно с Сергеем Завьяловым в Санкт-Петербургском университете в 2002–2007 годы, где мы в 2004 году и познакомились.

Сейчас нечасто можно встретить поэта, для которого формальная сторона стиха так важна. Поэта столь требовательного к себе в плане мастерства. Присуща Валерию также какая-то благородная сдержанность, нежелание испытывать границы поэзии и выходить за её пределы. Многие сейчас в стихах пытаются сделать поэзию чем-то немножко другим, чем просто поэзия — политикой, философией, наукой, чем-то ещё. А Валерий в своих стихах

всегда остаётся поэтом, причём сохраняя древнюю и отрицаемую многими нашими современниками сакральную ипостась поэзии как демиургии и посредничества между мирами. Во многом благодаря этим свойствам на фоне мейнстримной, «прогрессивистской» части литературного сообщества поэзия Валерия как бы держится особняком, сама по себе, с тихим достоинством сохраняя свою самость.

Стихи Шубинского — зачастую фантастичные, визионерские, то ли прозревающие потусторонние миры, то ли создающие свой мир по законам буйного, подчиняющегося лишь музыке стиха воображения. В них есть порой и какая-то парадоксальная метафизика, связывающая свиную голову и буддизм:

*Ты станешь ужином, но после ужина
Ты станешь в лотосе жемчужина.*

Есть ады и призраки, трёхглавая овчарка, мёртвый сосед:

*И к, прости Господи, лесопарку
Тянется мокрый, мерцающий след.
Это трехглавую вывел овчарку
Мертвый сосед.*

В стихах Валерия мы обычно видим некоторую развёртку внутренней жизни языка, жизни слова. Сам поэт однажды написал в своём фейсбуке: «Хорошие стихи делятся на стихи „миростроительные“, где работа образов, метафор, ритма создает некую новую/иную реальность... и стихи „человеческие“, основанные на конкретном и прозаическом „посюстороннем“ опыте. Мне лично несколько ближе первый тип поэзии, но второй объективно ничем его не хуже». Если пользоваться этим различием — то стихи самого Валерия как раз «миростроительные».

Мне всегда казалось, что Валерий Шубинский относится к поэзии с огромной любовью и уважением и верит

в ненапрасность её миров, в то, что она имеет космический смысл. Когда-то давно на какой-то из литературных встреч Валерий сказал примерно следующее: «Я верю, что, например, стихи Мандельштама оказывают влияние на движение звёзд».

Поэзия Валерия очень фактурна. Она полна созвучий, точных и богатых рифм, языковой игры. Может быть, за счёт этой языковой фактуры, внимания и любви к деталям поэту очень удаётся описательная поэзия. У Шубинского есть в стихах свой образ Петербурга и его окрестностей, напоминающий Петербург Даниила Андреева, довольно мрачный и очень узнаваемый. Это город на болоте, в который входит по шпалам дьявол:

*Когда дьявол войдет в этот город по шпалам,
В косолапом пальто, с забинтованным ртом,
Или на небе глаз нарисуетя паром,
Или вырастет пудель на месте пустом*

Вдохновляют Валерия Шушары, Синявино, Весёлый посёлок, Красносельское шоссе... Может быть, Валерий — первый поэт, написавший про иные из этих пригородных мест, воспевший их.

В сборник вошли три цельные книги стихов под одной обложкой. Расположены они не по хронологии: сама последняя по времени написания — «Тёмная ночь» (2015–2019) — открывает сборник, затем идёт самая давняя по времени книга, «Вверх по теченью» (2006–2012), а последней в сборнике поставлена книга, написанная между первыми двумя, «Рыбы и реки» (2012–2015). Если говорить о движении поэтики Валерия в этих книгах, то удобнее будет рассмотреть их в хронологическом порядке.

В самой ранней из книг — «Вверх по теченью» — много описательных стихотворений, есть стихи-песенки, стихи-считалки с бойкими «детскими» ритмами. Именно здесь мы больше всего видим мрачного гротеска,

фантазмагории, образа города. В этих стихах быт и детали повседневной реальности, наверное, наиболее выпуклы, фактурны, но и явной фантастики тоже больше. Она приходит вместе с бытом, преобразует его. В отличие от других книг, вошедших в сборник, в книге «Вверх по течению», как мне показалось, меньше происходит глобального раскрытия мироздания, разворачивания мирового горизонта, а больше — погружения в единичные, конкретные топосы.

Одно из знаковых стихотворений книги — «Circus». В нём есть образ мага, держащего шар, в котором ходят рогатые тени, «силясь попасть в замороженный рай». Может быть, этот образ в каком-то смысле перекликается с более ранней поэтикой Шубинского или с одной из ипостасей его поэтики, и можно представить себе его стихи как магический цирк, вычерченный циркулем и распахнутый. Мне кажется, в своём поэтическом движении Валерий всё дальше уходит от поэта как мага с шаром, в котором ходят тени, а стихи становятся всё более и более распахнутыми. Маг с шаром — это власть, а распахнутость — свобода. В стихах становится больше лёгкости, свободы и меньше власти: «А певчий воздух — малость // и милость, но не власть».

Уже в «Рыбах и реках», промежуточной книге, усиливается процесс расширения, распахивания пространства. Интересно, что в этот период почти уходит фантастика, зато появляется ещё больше воздуха, Луны, деревьев, оттенков цветов, природы, истории и, конечно, пения. Пение, певчий воздух — и есть то, что приходит на смену магическому шару.

В самой поздней книге, «Тёмная ночь», очень много пения — приснившегося, детского, шаманского. Пение противостоит власти, потому что в нём исчезает контроль; пение — самозабвение. Маг властвует над языком, а птица самозабвенно поёт. А вот фантастика, что

интересно, возвращается, теперь — вплавленная не в быт, а в широкий мировой горизонт, в некое всеобщее, всеохватное, раскрывающееся в стихах через масштабные культурно-исторические аллюзии.

Иногда в стихах Валерия возникают удивительные и какие-то мудро-печальные озарения. Например, в последнем стихотворении:

*Змею из яйца вынимает Натура,
ворчливый коала докушал свой лист
и дремлет. Все прочее — литература:
исписанный буквами лист.*

А вот в самом первом:

*Роланд кричит на смерть но ей не страшно — гурии
ждут мавров там но больше никого
а страшно знать что вещи — аллегории
не означающие ничего*

И это действительно страшное знание и видение. Гораздо страшнее призраков и химер в тёмной ночи.

Алла Горбунова

* * *

Роланд кричит на смерть из рогового рупора
ему несет на блюдечке заря
кишки предателя как розовая руккола
и голубое сердце упыря

над пúстынями черными, над белыми пúстынями
тогда светало а теперь закат
и под гору идет с худыми свиньями
и холстяною наволочкой кат

труби дурак — что дальше? — рай: свечение
над тундрами лучистых батарей
труби труби — а дальше ад: лечение
в огне развоплотившихся царей

Роланд кричит на смерть но ей не страшно — гурии
ждут мавров там но больше никого
а страшно знать что вещи — аллегории
не означающие ничего

и страшно слушать как навроде кенара
кричит солдат сжимая кость слона
и фыркает на недотепу кесаря
напрасно победившая луна

и к ней идет палач с ненужною секиркою
за ним лицензиат с восьмеркою в уме
а следом наш начальник с новой дыркою
куда упасть тебе и мне и тьме

Памяти Дунаевского

кто прыгает к огню
кто ездит по коню
кто любит сердце капитана
смешное как смола
сухое как игла
больное сердце капитана

весь в штрипках и звездах
в дакотских поездах
Эльбрус и марьянская бездна
зверям и городам
он говорил мадам
что смерти нет и неизвестно

кому пулять в висок
кого всосал песок
все любят песню капитана
нет вас он не винил
но под иглой винил
заводит песню капитана

и Африка и тьма
и Озрика жена
и Фортунатоса жилище
кто высосал коня
и бросил в столб огня
и вышел вон и выбил днище